

А.С.БАЛАХВАНЦЕВ (Москва)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПАРФАВНИСЫ

Вопрос о локализации Парфавнисы имеет уже более чем трёхвековую историю. Различные исследователи отождествляли этот упомянутый только у Исихора Харакского город с Гекатомпием, Задракартой и Нишапуром, помещали его в Мазандеране и долине Деррегеz¹. В XX веке, особенно после раскопок советскими археологами городища Старая Ниса возле кишлака Багир, как в отечественной, так и в зарубежной литературе стала преобладать тенденция к отождествлению Парфавнисы с багирскими городищами Старая и Новая Ниса².

Однако в последнее время данная локализация была подвергнута сомнению в ряде работ В. Н. Пилипко³. Его аргументы сводятся к следующему⁴. Во-первых, сходство названий парфянского города со средневековой Нисой, находившейся на месте Багира, ещё ничего не доказывает. Во-вторых, выявив разногласия «в близких по времени данных Исихора Харакского и Страбона», В. Н. Пилипко пришёл к выводу, что античные авторы имели весьма смутные представления о реальной географии Парфии и разобраться в их свидетельствах трудно. В-третьих, по Исихору Харакскому, Парфавниса находится в узкой горной долине, а багирские городища лежат на равнине у северо-восточного подножья Копетдага. Всё это, по мнению автора, заставляет считать отождествление Парфавнисы с багирскими городищами явно преждевременным.

Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего, необходимо полностью согласиться с тем тезисом, что созвучие (и даже — добавим мы — полное совпадение) древних и средневековых топонимов ещё не говорит о том, что оба они относятся к одному и тому же пункту или территории. Так, например, в античности область Калабрия соответствовала юго-восточной оконечности Апеннинского полуострова, а в VIII веке название переместилось на юг, и Калабрией стал называться античный Бруттий.

Однако с другими аргументами В.Н.Пилипко вряд ли можно согласиться. Так, возражение вызывает уже его тезис о хронологической близости данных Исихора Харакского и Страбона. Дело ведь вовсе не в том, что оба автора, скорее всего, действительно были современниками.⁵ Если Исихор Харакский или сам путешествовал по Средней Азии, или основывался на рассказах современных ему купцов, то Страбон никогда не был к востоку от Евфрата, а информации купцов просто не доверял (Strabo.XV.1.4). В связи с этим, самые «свежие» данные Страбона по интересующему нас региону были заимствованы из работ Посидония и Аполлодора из Артемиды,⁶ и, следовательно, отражали ситуацию, существовавшую не позднее 100–75 гг. до н. э. Таким образом, два наших важнейших источника описывают политико-административное состояние Средней Азии с временной разницей приблизительно в сто лет. Именно этим можно объяснить то подчеркиваемое В.Н.Пилипко обстоятельство, что у Исихора Харакского Парфавниса (Нисайя) находится в области Парфии, а Страбон передает, что одни авторы считают Нисайю частью Гиркании, а другие — самостоятельной областью⁷.

В. Н. Пилипко видит ещё одно противоречие между Страбоном и Исихором Харакским в том, что у Страбона Нисайя граничит с Гирканией, а у Исихора между Гирканией и Парфией лежит область Астауэна. Однако и это «противоречие» является мнимым, причём дело здесь даже не в разновременности данных этих двух авторов. К сожалению, В. Н. Пилипко не обратил внимания на глубокое различие между «Географией» Страбона, дающей последовательную *descriptio mundi*, и «Парфянскими стоянками» Исихора Харакского, представляющими собой простую *descriptio itineris*. Естественно, что если описываемый Исихором маршрут из Гиркании в Парфию проходил через Астауэну, то это никак не исключает возможности

наличия у Гиркании и Парфиены общей границы в каком-либо другом месте.

Вместе с тем, В. Н. Пилипко полагает, что убедительным доказательством в пользу отождествления багирской Нисы с Парфавнисой стало бы открытие на Старой Нисе захоронений аршакидских царей или разграбленных их гробниц, на что, однако, остаётся всё меньше и меньше надежды. Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего, необходимо отметить, что используемое Исидором слово «τάφῆ» означает «погребальный обряд, место погребения, могила»⁸ и по своей семантике не предполагает наличия величественных наземных сооружений. Можно ли а priori предполагать обязательное наличие подобных сооружений, раз речь идет о царских могилах? Так как принятый у Аршакидов погребальный обряд нам абсолютно неизвестен, то в поиске аналогий приходится обратиться к анализу погребальной практики династий кочевнического происхождения. Практика же эта была весьма разнообразной и содержит как примеры возведения настоящих мавзолеев (Северный Тагискен, мавзолеев №6; мавзолеев султана Санджара в Мерве; Гур-Эмир в Самарканде), так и полного отсутствия наземных погребальных сооружений⁹. Итак, поскольку текст Исидора не даёт никаких оснований говорить о существовании бросающихся в глаза мавзолеев или гробниц, то закономерно возникает вопрос: откуда он заимствовал информацию о царских захоронениях? Исидор Харакский — прежде всего географ, и в описании областей, городов, стоянок, длительности переходов ему вполне можно доверять. Но как только Исидор покидает почву географии и переходит к рассказу о достопримечательностях, он тут же попадает в зависимость от своих местных информаторов и, как Геродот, начинает повторять то, что говорят на городских улицах. Это обстоятельство обязательно надо иметь в виду, оценивая достоверность данных Исидора Харакского о коронации Аршака I в Асааке (Mans.Parth.11)¹⁰ или о царских захоронениях в Парфавнисе. Для правильного и точного понимания этих и им подобных мест в труде Исидора Харакского к ним надо всегда мысленно прибавлять два слова: «говорят, что...». Таким образом, даже если царские погребения на багирских городищах не будут найдены, то это докажет не невозможность их отождествления с Парфавнисой, но лишь необоснованность тех слухов, которые передавал Исидор Харакский.

Решение вопроса о локализации Парфавнисы возможно лишь на основе тщательного историко-филологического анализа текста Исидора Харакского, взятого в сопоставлении с соответствующими данными Страбона, Плиния Старшего и Птолемея. Как уже было сказано, путь в Парфавнису, находившийся на территории Парфиены, пролегал через Гирканию и Астауэну. Местоположение Гиркании хорошо известно. Эта область охватывала значительную часть южного и восточного побережья Каспийского моря. Через Гирканию, как свидетельствует Страбон (Strabo. XI. 7.3), протекали реки Окс и Ох. Окс, впадавший в Каспийское море, это нынешний Узбой, а Ох можно уверенно отождествить с Сумбаром-Атреком¹¹. Тот же Страбон указывает, что Ох протекает и через Нисайю. Так как последняя являлась одним из районов Парфиены (Plin. NH. VI.113), то напрашивается вывод, что Парфиена, по крайней мере, частично, располагалась в верховьях Атрека.

Гораздо сложнее обстоит дело с месторасположением Астауэны. Ряд авторов, основываясь на сходстве названий Астауэна у Исидора Харакского и Асатава (Устува) у арабского учёного аль-Макдиси и в анонимном персидском географическом сочинении «Худуд-ал-алем», отождествляют их и помещают Астауэну в долину верхнего Атрека¹² и даже Кешефруда¹³. Данная локализация представляется уязвимой прежде всего с методологической точки зрения, ибо — как уже было отмечено — сходство или совпадение топонимов является весьма шатким основанием для подобного рода выводов. В данном случае местоположение средневековой Устувы явно не совпадает с античной Астауэной.

Казалось бы, проделанный нами анализ недвусмысленно требует отдать Астауэне земли по среднему течению Атрека. Однако этому как будто противоречат дан-

ные Птолемея, который в одном месте своего труда (Ptol. Geog. VI. 9.5.) помещает астауэнов в приморской части Гиркании, а в другом (Ptol. Geog. VI. 17.3) — в северной части Ареи. Как и в чью пользу можно разрешить данное противоречие? Данные Птолемея нельзя накладывать на современную географическую карту без определённой коррекции. Дело в том, что области Средней Азии у Птолемея сильно сдвинуты на запад по сравнению со своим действительным положением.¹⁴ Достаточно заметить, что птолемеяевская Маргиана простирается вплоть до места впадения Окса в Каспийское море. Естественно, что это привело к значительному сдвигу всей географической номенклатуры, в ходе которого астауэны «переместились» на морское побережье. В пользу того, что дело обстоит именно так, можно привести следующее соображение: по Птолемею, сразу за астауэнами в глубине материка живут сиракены (Ptol. Geog. VI. 9.5), уже давно сопоставляемые исследователями с названием упомянутого у Исидора (Mans. Parth. 12) города Сирока и современным Серахсом на реке Теджен-Герируд¹⁵. Кроме того, между двумя свидетельствами Птолемея существует явное противоречие: астауэны не могли одновременно жить и в Гиркании, и в Арее, областях, которые даже, по Птолемею, не граничат друг с другом. Всё это вместе взятое позволяет согласиться с локализацией Астауэны, предложенной более ста лет назад В. Томашеком¹⁶, с той только поправкой, что верховья Атрека с городом Кучан относились уже к Парфии. В пользу данного вывода говорит и упоминание Плинием Старшим (Plin. NH. II. 109) нефтяных источников в области атакенов, что хорошо соотносится с известным фактом наличия в долине Атрека месторождений нефти и газа.

Ключом к решению вопроса о локализации Парфавнисы является употреблённый Исидором Харакским в описании Парфии (Mans. Parth. 12) термин « $\alpha\upsilon\lambda\acute{\omega}\nu$ ». Грамматик Павсаний Аттический определяет его как «вытянутое и узкое место, словно окружённое со всех сторон» (Paus. Attic. fr. 419). Как уже было замечено нами выше, В. Н. Пилипко тоже обратил внимание на важность этого слова, однако с его трактовкой начала параграфа нельзя согласиться. В. Н. Пилипко основывается на переводе Л. И. Грацианской, гласящем буквально следующее: «Затем Парфия, 25 схойн которой [составляет] ущелье (горная долина), Парфавниса город в 6 схойнах»¹⁷. Однако у Исидора Харакского описание каждой области строится по стандартной схеме: название области, продолжительность пути по ней, находящиеся в ней объекты. Последние обычно вводятся выражением « $\epsilon\nu\ \eta$ — в которой (есть)». Когда же повествование доходит до Парфии, то Исидор, после указания продолжительности пути, употребляет относительное местоимение $\eta\varsigma$ в родительном падеже. Его можно понять только как *genetivus possessivus*, то есть родительной принадлежности, обозначающий предмет (в нашем случае — область Парфию), которой принадлежит что-либо в самом широком и различном смысле¹⁸. Поэтому наиболее адекватным переводом данного места будет следующий: «Далее Парфия, 25 схойн, в ней [есть] ущелье (узкая долина) и через 6 схойн город Парфавниса». Таким образом, Парфавниса вовсе не лежит в узкой горной долине, а отстоит от неё на приблизительно 33 километра.

Закономерен вопрос: для чего Исидор Харакский в своём весьма лаконичном повествовании упоминает эту «узкую долину»? Описанный им маршрут по Иранскому нагорью должен был проходить мимо многих десятков, если не сотен подобных «узких долин», однако термин « $\alpha\upsilon\lambda\acute{\omega}\nu$ » встречается лишь дважды: после Каспийских ворот (Mans. Parth. 8) и при описании Парфии. В первом случае он прилагается к Сирдарскому ущелью в предгорьях Эльбурса, через которое проходил маршрут Исидора Харакского. Следовательно, и во втором случае маршрут Исидора вёл через «узкую долину» к Парфавнисе. Всё это не позволяет провести маршрут Исидора ни по северной кромке Копетдага, ни целиком по долине Атрека. Действительно, отстаиваемый некоторыми исследователями «северный» вариант маршрута Исидора¹⁹ пролегал бы между Копетдагом и Каракумами, то есть практически по

равнине. Что же касается движения по долине Атрека в его среднем течении (по Астауэне), то следует заметить, что несмотря на наличие на этом маршруте ряда ущелий²⁰, ни одно из них не было сочтено Исидором Харакским заслуживающим внимания. Остаётся единственный выход — предположить, что в конце пути по Астауэне маршрут Исидора уходил в горы, пересекал Копетдаг и выходил в его северные предгорья. Таким образом, нам необходимо выбрать подходящий горный перевал, заканчивающийся ущельем, причём в 33 километрах от последнего должен находиться достаточно крупный городской центр парфянского времени.

Принимая во внимание то, что Астауэна Исидора Харакского приблизительно соответствует среднему течению Атрека (от места впадения в него Сумбара до современного города Ширван), единственно подходящим перевалом является Гаудан. Этот перевал представляет собой горное плато, которое с северной стороны круто спускается в одноимённую котловину. Последняя затем переходит в узкое ущелье, ведущее к равнине Ахала. Приблизительно в 30-33 километрах от выхода ущелья на равнину находятся багирские городища²¹. Через гауданский перевал пролегают кратчайшие и наиболее удобные дороги к Ширвану и Кучану. Существенно, что путь через гауданский перевал активно использовался в период средневековья, о чём свидетельствуют многочисленные развалины старинных укреплений²². Именно через этот перевал в ноябре 1039 года бежал от султана Масуда Газневида в Нису основатель династии Сельджукидов Тогрул-бек²³. Всё это позволяет прийти к выводу, что при современном уровне знаний наиболее обоснованным является отождествление Парфавнисы с багирскими городищами Старая и Новая Ниса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Mullerus C. Geographi Graeci Minores. Parisiis, 1855. Vol. I. P. XC, 252; Kiessling A. Hirkania //RE. Hlbd.17. Stuttgart, 1916. Sp.498; Sturm J. Nisaia //RE. Hlbd. 33. Stuttgart, 1936. Sp.711.*
2. См.: *Пилипко В.Н., Кошленко Г.А. Северная Парфия //Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 209; Bivar A.D.H. The Political History of Iran under the Arsacids //CHIr. Vol.3(1). Cambridge, 1983. P.26.*
3. *Пилипко В.Н. К вопросу о локализации Парфавнисы //Известия АН ТССР. СОН. 1989. №2. С. 17–25; Старая Ниса. Проблема интерпретации //ВДИ. 2000. №1. С. 109; Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001. С. 343–345. В их ряду особое место занимает последняя монография, которая — вопреки своему скромному названию — не только подводит итоги, но и открывает весьма интересные перспективы в области изучения истории и культуры Парфии.*
4. Аргументация В. Н. Пилипко излагается по работе: *Старая Ниса. Основные итоги... С. 343–345.*
5. Даты жизни Страбона: ок. 65 г. до н. э. — ок. 25 г. н.э. См.: *Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения //ДГ. 1986. М., 1988. С. 13–14. Исидор Харакский, скорее всего, жил в правление императора Августа. См.: Mullerus C. Op.cit. P. LXXXII–LXXXV. В пользу данной датировки говорит, по нашему мнению, и тот факт, что Исидор Харакский, упоминая Артемиту (Mans. Parth. 2), называет её «греческим городом», а Корнелий Тацит (Ann. 6.41.2), описывая события 36 г. н. э., уже именует Артемиту «городом парфян».*
6. *Bickerman E. Notes on Seleucid and Parthian Chronology //Berytus. 1944. Vol. 8(2). P. 79; Neusner J. Parthian Political Ideology //Iranica Antiqua.1963.Vol. 3. P. 43; Wolski J. Untersuchungen zur frühen parthischen Geschichte //Klio. 1976. Bd. 58. S. 440,444–445; Gardiner-Garden J.R. Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians. Bloomington, 1987. P. 13; Грацианская Л. И. Ук. соч. С. 84; 91–92; Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции: источниковедческий анализ. М., 1997. С. 64–67.*
7. Наряду с этим возможно и другое объяснение, связанное с широким распространением топонима Ниса на территории Ирана. Не исключено, что Страбон просто не заметил, что в использованных им в данном месте (Strabo. XI. 7.2) источниках речь шла

- не о «туркменской», а о «мидийской» Нисае. Эта область, упоминающаяся уже в Бехистунской надписи Дария I, лежала на дороге из Вавилона в Экбатаны и славилась своими прекрасными лошадьми (Her. 7.40; Strabo. XI.13.7; Arr. Anab. 7.13.1; Amm. Marc. 23.6.30).
8. Анализ употребления данного слова у различных античных авторов проводился по банку данных CDRom Thesaurus Linguae Graecae.
 9. Здесь прежде всего вспоминаются как наиболее близкие Парфавнисе в территориально-хронологическом плане захоронения «безымянных царей» на городище Тилля-тепе в Северном Афганистане.
 10. Сопоставление данных Исидора Харакского по этому вопросу с монетами самого Аршака I показывает, что основатель парфянского государства никогда не имел царского титула. См.: *Балахванцев А.С.* Селевк II Каллиник и Парфия // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань. 2000. С. 208–210.
 11. См.: *Балахванцев А.С.* Дахи и арии у Тацита // *ВДИ*. 1998. №2. С. 154.
 12. *Пилипко В.Н.* К вопросу... С. 23.
 13. *Массон М.Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // *Труды ЮТАКЭ*. Ашхабад, 1955. Т. 5. С. 10. Данное мнение является неверным даже в отношении средневековой Устувы, которая вполне определённо локализуется в районе современного города Кучан. См.: *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. М.-Л., 1939. Т. I. С. 200, 210; *Бейхаки Абу-л-Фазл*. История Масуда. 1030–1041. Ташкент, 1962. С. 534.
 14. Это обстоятельство, как и преувеличение длины обитаемого мира в целом, не раз уже отмечалось в литературе. См.: *Томпсон Дж.* История древней географии. М., 1953. С. 394, 463; *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 204.
 15. *Mullerus C.* Op. cit. P. LXXXIX; *Kiessling A.* Op. cit. Sp. 472, 498.
 16. *Tomaschek W.* Astauene // *RE*. Hlbd. 4. Stuttgart, 1896. Sp. 1779.
 17. *Пилипко В.Н.* К вопросу... С. 24. Прим. 12.
 18. Именно так его и понимали переводчики на латинский, английский и русский языки. См.: *Mullerus C.* Op. cit. P. 252; *Parthian Stations by Isidore of Charax. An Account of the overland trade Route between the Levant and India in the first Century B. C. The Greek Text, with a Translation and Commentary by W. H. Schoff.* Chicago, 1976. P. 9; Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.) / под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940. С. 132; *Хлопин И.Н.* Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад, 1983. С. 60; Древний Мерв в свидетельствах письменных источников / Сост. Г. А. Кошеленко, А. Губаев, А. Н. Бадер, В. А. Гаилов. Ашхабад, 1994. С. 28).
 19. *Хлопин И.Н.* Ук. соч. С. 65–70; *Кошеленко Г.А.* О времени существования некоторых сооружений Старой Нисы // *Проблемы истории, филологии, культуры*. М.-Магнитогорск, 2000. Вып. IX. С. 203.
 20. См.: Извлечение из отчёта П. М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерезгезскому, Кучанскому и Буджнурдскому // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. СПб., 1893. Вып. 52. С. 35. Автор считает своим долгом выразить благодарность Б. А. Литвинскому за указание на это издание.
 21. См.: *Орановский*. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // *Сборник...* СПб., 1896. Вып. 68. С. 78; *Кузьмин-Караваев*. Русско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // *Сборник...* СПб., 1889. Вып. 40. С. 62. Из приводимых русскими офицерами данных следует, что расстояние от Багира до ущелья составляло 29 верст, то есть 31 километр.
 22. См. *Кузьмин-Караваев*. Ук. соч. С. 64–66.
 23. *Бейхаки Абу-л-Фазл*. Ук. соч. С. 534–535.

A.S.Balakhvantsev

THE PROBLEM OF PARTHAUNISA LOCATION

Basing himself on the historico-philologic analysis of the texts by Isidor Haransky, Strabon, Pliny, Ptolemy and Arabian sources, the author of the article attempts to define the location of Parthaunisa and arrives at a conclusion that it is identical to the sites of Old and New Nisa.

Г.А.КОШЕЛЕНКО, В.А.ГАЙБОВ (Москва)

О ДОСТОВЕРНОСТИ ПРЕДАНИЯ О БАР ШАБЕ*

В 1995 году авторы данной статьи (совместно с А.Н. Бадером) опубликовали работу, посвященную началу проникновения христианства в Среднюю Азию¹. Основное место в ней занимал анализ сообщений, содержащихся в «Хронике Сеерта» относительно деятельности Бар Шабы — первого епископа Мерва².

Авторы стремились показать, что данное место в «Хронике» представляет собой своего рода эксерцип из самостоятельного произведения, которое можно было бы определить как «Житие святого Бар Шабы». Соответственно своей агиографической природе, в нем достаточно органично соединялись реальная картина жизни видного деятеля Церкви Востока³ с теми элементами, которые должны обязательно присутствовать в такого рода произведении (чудеса, совершаемые героем произведения, преувеличение его достижений и т.д.). Мы полагали, что в основе предания о Бар Шабе лежали реальные факты, в частности, мы уделяли особое внимание вопросам датировки тех событий, которые описывались в нем. Исходя из содержания и совершенно несомненных хронологических указаний самого текста, мы отнесли время деятельности Бар Шабы к III в. н.э., точнее ко времени царствования сасанидского царя царей Шапура I⁴, хотя обычно исследователи сдвигали события на один век и относили их ко времени царствования Шапура II⁵.

Данный тезис был подвергнут сомнению в работах, которые в той или иной степени являлись откликами на нашу статью⁶, в них снова присутствовал IV в. н.э., как время начала проникновения христианства в Среднюю Азию и, соответственно, время деятельности Бар Шабы.

Поскольку Мерв представлял собой исходный пункт в христианской миссии во всей Центральной Азии⁷, то, естественно, вопрос о начале христианской проповеди здесь имеет важнейшее значение для понимания многих важных проблем истории этого региона. Это заставляет нас вновь обратиться к нему, сосредоточив особое внимание на хронологических проблемах.

Напомним, прежде всего, содержание этого предания. Во время царствования Шапура, сына Арташира, в аль-Мадаине (Селевкия-Ктесифон) оказался Бар Шаба. Он принадлежал к числу тех пленников-христиан, которые были переселены в пределы Сасанидского государства с «Запада», то есть из пределов Римской империи, в результате победоносных походов этого царя. В аль-Мадаине Бар Шаба выучил сирийский и персидские языки. Он был известным врачом и набожным человеком. Когда жена (она же сестра) царя Ширарин заболела какой-то душевной болезнью,

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 00-01-00024а